

14. Панич Т. В. Писатели патриаршего круга в богословской полемике 80-х – 90-х гг. XVII в. : дис. ... д-ра филол. наук / Новосиб. гос. пед. ун-т. Новосибирск : [б. и.], 2007. 437 с.

15. Плотников Г. С. Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (Екатеринбургской епархии Пермской губернии). Изд. 4-е. Екатеринбург : Тип. газ. «Урал», 1906. 99 с.

16. Постовалова О. Д. Литература Урала и Зауралья : хрестоматия [для студентов]. Курган : Изд-во Курган. гос. ун-та, 2011. 126 с.

17. Протасьева Т. Н. Описание рукописей Синодального собрания, не вошедших в описание рукописей А. В. Горского и К. И. Невоструева. М. : [б. и.], 1973. Ч. 2. С. 44. № 894.

18. Фольклор и литература Зауралья : учеб. пособие для учителей и учащихся (5–11 классы) : [в 2 ч.] / под общ. ред. В. П. Федоровой. Курган : Зауралье, 2000.

19. Шашков А. Т. Нарративные источники по истории урало-сибирского старообрядчества XVII – начала XVIII в. // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. Вып. 8. С. 260–265.

20. Шашков А. Т. «Послание об Антихристе и тайном царстве его» в старообрядческой рукописной традиции // Проблемы истории России. Екатеринбург : Волот, 2008. Вып. 7 : Источник и его интерпретации. С. 56–91.

21. Янко М. Д. Литературное Зауралье. Курган : Сов. Зауралье, 1960. 187 с.

Н. А. Хуббитдинова (Уфа)

Литературная традиция этнического «другого» в повести Т. С. Беляева «Куз-Курпяч»

Сын простого крепостного крестьянина из имения крупного в Оренбургской губернии помещика Н. И. Тимашева Тимофей Савельевич Беляев (1786–1846) стал известен после опубликования в 1812 г. в типографии Казанского университета его первого сочинения «Куз-Курпяч, башкирская повесть, писанная на башкирском языке одним курайчем»¹

¹ Раньше «курайчи» называли сказителей, певцов-импровизаторов, мастеров слова – сэзенов, которые сопровождали свое выступление игрою на национальном духовом тростниковом музыкальном инструменте курай.

и переведенная на русский в долинах гор Рифейских, 1809 года» [1] (далее – повесть «Куз-Курпях»). Позже им были написаны и опубликованы такие поэтические произведения как «К старому и новому домам в деревне Ключах» («Сын Отечества», 1914, ч. XII, № XII), «Песнь Курайчи Рифейских гор» («Чтения в беседе любителей русского слова», чтение 13, 1813).

Повесть «Куз-Курпях» написана на основе сюжета башкирского народного эпоса «Кузыйкурпес и Маян-хылу», подвергнутого художественной обработке и интерпретации автором на литературный лад. В результате этой переработки народный эпос обрел статус самостоятельного, оригинального литературного произведения, в пользу чего также говорит и наличие в нем новых сюжетных линий, эпических мотивов и образов.

Название повести, включающее слова: «...писанная на башкирском языке одним курайчем...», представляет для нас особый интерес, поскольку репрезентирует литературную традицию использования маски *этнического «другого»* в позиции повествовательной инстанции. В данном случае этот прием, по всей видимости, с точки зрения автора, был призван указать на иноязычность оригинала, иноэтническую принадлежность произведения, тем самым подчеркивая его уникальность. Подобная творческая задача Беляева понятна и – в целом – решена.

Несмотря на существование различных исследовательских взглядов, нам представляется, что повесть Беляева обнаруживает ставшее традиционным для русской литературы XVIII–XIX вв. явление, когда автор намеренно присваивал иное этническое происхождение, чаще всего – «восточное». Как правило, в русской литературе это делалось для того, чтобы представить читателю произведение как художественный вымысел. Однако, как отмечает М. И. Стеблин-Каменский, это явление выполняло и другие задачи: «[если] литературное произведение, представляющее собой сознательный вымысел, и рассчитано на то, чтобы его приняли за правду в собственном смысле этого слова, то это – *мистификация* (курсив наш. – Н. Х.), сравнительно редкий вид художественного вымысла» [6, с. 29].

Одной из причин обращения Т. С. Беляева к подобной литературной мистификации (представление себя в качестве некоего башкирского курайчи), вероятно, является в той или иной мере осознанное следование традиции русской литературы, вполне отчетливо обозначившей себя к началу XIX в. Зачинателем в использовании т. н. «маски этнического “другого” и организации вокруг нее некоего поэтического маскарада» [5, с. 193] считается поэт Г. Р. Державин. Его известная ода «Фелица» изначально называлась «Ода к премудрой Киргиз-кайсацкой Царевне Фелице,

писанная Татарским Мурзою, издавно поселившимся в Москве, а живущим по делам своим в Санкт-Петербурге. Переведена с арабского языка, 1782». Исследователи видят в этом и определенную долю лукавства автора: если упоминание татарского мурзы отсылает к факту кровного родства поэта с мурзой Багримом, то арабского языка Державин, конечно, не знал. Ода была посвящена императрице Екатерине II и под «Киргиз-кайсацкой Царевной Фелицей» подразумевалась именно она. Царица приняла этот игровой поэтический маскарад благосклонно и одарила поэта весьма щедро: вместе с 500 червонцами вручила ему золотую табакерку с надписью «Из Оренбурга от Киргиз-кайсацкой царевны Державину» (см.: [5, с. 193–194]).

Впоследствии ориентация на маску татарского мурзы была продолжена Державиным в другой оде – «Видение Мурзы», в которой в особенности показательна концовка: «Я пел, пою и петь их (дела Фелицы. – Н. Х.) буду, / И в шутку правду возвещу; / Татарские песни из-под спуду, / Как луч, потомству сообщу...». В этой оде во всем поэтическом многообразии изображается «восточная роскошь» и «сладострастие» с привлечением «соответствующих этнографических и экзотических реалий» (см. подробнее: [5, с. 193, 201]).

В XIX в. образ автора-повествователя, «ряженного в восточную одежду», получает художественное воплощение в произведениях ряда писателей: это «кавказские поэмы» А. С. Пушкина; «Хищники на Чегема» и «Кальянчики» А. С. Грибоедова; «Песнь плененного ирокеза», «Ахалук, мой ахалук» и «Эрпели» А. И. Полежаева; «Чир-Юрт» и «Валерик» Ю. М. Лермонтова; «Китаец в Петербурге» П. А. Словцова; «Вечер на горе Могое» и «К Мурзе» Н. С. Смирнова; а также сочинения на темы башкирских и татарских легенд и преданий П. М. Кудряшева и «Араслан-Бабр» Н. Н. Кафтанникова.

В сопоставлении с известной одой Державина обращение Беляева к маске башкирского курайчи и теме башкир и киргиз-кайсаков в целом становится понятным и мотивированным. Как известно, свою повесть Беляев писал под руководством хозяина, Н. И. Тимашева, который, в свою очередь, был большим поклонником поэзии Державина, более того – состоял с ним в деловых и дружеских отношениях. Помимо этого, башкирская тема в целом была близка Беляеву – всю жизнь он прожил среди башкир Оренбургской губернии. С киргиз-кайсаками также контактировал, в повести же обратился к киргиз-кайсацкой теме, очевидно, под влиянием оды Державина. Показательно, что если у Державина в образе «Киргиз-кайсацкой Царевны» предстает Екатерина II, то у Беляева

киргиз-кайсацкой девушкой является возлюбленная главного героя, ханская дочь Баян-хылу – что также было равносильно статусу вельможи. Говоря в своей оде об императрице: «Из разногласия согласие, / И из страстей свирепых счастье, / Ты можешь только созидать...» [3], Державин подчеркивает справедливость ее правления государством. В определенной мере сходная мысль высказывается и Беляевым: царских подданных башкир и их соседей киргиз-кайсаков в повести объединяют мирные, дружеские взаимоотношения. Такой жизнью они, согласно авторскому замыслу, могут жить только под милосердным управлением русского царя – «Белого падши», как именовали царя Ивана IV башкиры, в период царствования которого они вошли в состав русского государства. В контексте беляевского сочинения это – император Александр I.

Интертекстуальная отсылка к оде Державина «Фелица» в повести Беляева прослеживается также в использовании приема скрытых намеков, указаний на конкретных исторических лиц. Приведем фрагмент текста Державина, в котором лирический герой, повествуя о повседневном быте, перечисляет свои развлечения и привычки:

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными боями
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов... [3, с. 42].

По замечанию Я. К. Грота, что подтверждает и сам поэт в «Объяснениях на сочинения Державина относительно темных мест...», отдельные строки этого стиха заключают скрытые ссылки на тех или иных исторических персонажей екатерининской эпохи, их имена в свое время буквально прочитывались между строк. Так, например, кулачные бои отсылают к личности графа А. Г. Орлова, охота с псами – к графу П. И. Панину и т. д. [3, с. 308].

Подобный прием можно наблюдать и в повести Беляева: в частности, эпизоды охоты, выполняющие функцию сюжетообразующего мотива, отсылают читателя к личности Н. И. Тимашева (о его любви

к охоте позже писал В. И. Даль в очерке «Охота на волков»); картины национальных состязаний (скачек, стрельбы из лука, борьбы и т. д.), которые проводились во время больших праздничных собраний – народных йыйынов, также складываются в отдельную сюжетную линию, связанную с Н. И. Тимашевым и его пристрастиями. Кроме того, под певцами у Беляева традиционно подразумеваются башкирские сэсэн – певцы-импровизаторы, а под музыкальными рогами – национальный духовой инструмент курай.

Печатный экземпляр повести Беляева «Куз-Курпач», в немалой степени созданной под влиянием оды «Фелица», был отправлен Тимашевым Державину как важному и одному из первых ее читателей. Дружеские контакты помещика с поэтом имели долгую историю. Еще в 50–60-х гг. XVIII в. отец поэта Роман Николаевич Державин приобрел земли в Бузулукском и Бугурусланском уездах Оренбургской губернии. Примерно в тот же период, в 1755 г., выходец из Симбирской губернии, капитан Шешминского полка Иван Тимашев (отец Николая Тимашева) за короткий срок сумел приобрести обширнейшие земельные владения у башкир и создать крупное имение в Оренбургском уезде (см.: [4]). Эти земельные дела, а позже в целом дружеские отношения, включая общение на тему литературного творчества, связывали Г. Р. Державина и Н. И. Тимашева, о чем свидетельствует их многолетняя переписка (см.: [2]).

Как известно, Г. Р. Державин, будучи маститым поэтом, помогал начинающим стихотворцам и принимал участие в издании их сочинений, а потому получал много благодарственных писем, в которых, что примечательно, традиционно именовался «Певцом Фелицы», которого оценят потомки, «гением», «певцом Бога и несравненной Фелицы» и т. д. (см.: [2, с. 201, 288–289, 322]). Подобным же образом обращался к поэту в своих письмах и Тимашев, чем объясняется упоминанием Фелицы в «Приношении», включенном в вводную часть письма.

Отправляя Державину экземпляр повести «Куз-Курпач», в прилагаемом письме Тимашев рассказывает историю ее написания и издания. По словам помещика, изначально он велел своему «грамотею», под которым, конечно, подразумевается Беляев, записать одну из сказок о башкирских батырах. Затем по совету знакомых эту запись он «придал типу» (отдал в типографию). Помимо прочего, он также говорит в письме, что велел своему курайчи² «выписать то, что по-нашему складно, а по-

² Под курайчи также подразумевается Беляев, см. исследование М. Г. Рахимкулова: [6, с. 26].

ученому нескладно» (т. е. башкирские слова или просторечные выражения, понятные автору, но незнакомые читателям; первые даны в повести в русской транскрипции), которые были помещены в «Приложении» к повести, высылаемой Державину. В этом же «Приложении», в частности, говорится: «При напечатании Куз-Курпяча, казанская цензура, почтя неисправными, некоторые места переменяла³, которые здесь вместе с подлинником от переводившего⁴ предлагаются читателю, знающему обычай башкирцев, на рассмотрение» [2, с. 286].

Таким образом, Тимофей Беляев, примерив на себе маску этнического «другого» в повести «Куз-Курпяч», стал продолжателем начатой Державиным традиции и впервые ввел в русскую литературу образ башкирца, от лица которого ведется повествование. Этот творческий опыт Беляева стал впоследствии ориентиром для П. М. Кудряшева, Н. Н. Кафтанникова, В. И. Даля в их обращении к башкирской теме.

Список литературы

1. Беляев Т. С. Куз-Курпяч // Башкирия в русской литературе : в 6 т. / сост., автор вступ. ст., коммент. М. Г. Рахимкулов. Т. 1. Уфа : Башкнигоиздат, 1961. 512 с.
2. Державин Г. Р. Сочинения Державина : в 7 т. / с объяснит. примеч. Я. Грота. 2-е акад. изд. Т. 6 : Переписка (1794–1816) и «Записки». СПб. : Тип. Имп. акад. наук, 1876. XXVIII, 840 с.
3. Державин Г. Р. Сочинения / сост., биограф. очерк и коммент. И. И. Подольской. М. : Правда, 1985. 576 с.
4. Зобов Ю. С. Начало заселения Оренбургской губернии. [Электронный ресурс]. URL: http://his95.narod.ru/oren/istor_2_3.htm (дата обращения: 10.02.2013).
5. Зырянов О. В. «Фелица» Г. Р. Державина и «К Мурзе» Н. С. Смирнова: образ этнически «другого» (человека востока) в русской поэзии // Литература Урала: история и современность : сб. ст. Вып. 6 : Историко-культурный ландшафт Урала: литература, этнос, власть. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2011. С. 193–201.
6. Рахимкулов М. Г. Народной мудрости родник: башкирский фольклор в русской литературе. Уфа : Башкнигоиздат, 1988. 184 с.
7. Стеблин-Каменский М. И. Мир саги. Становление литературы. Л. : Наука, Ленингр. отд-ние, 1984. 246 с.

³ Речь идет о тексте повести, представленном по типу к печати.

⁴ Под подлинником имеется в виду изначально записанный текст башкирского эпоса в переводе на русский язык.